

ИЗ ИСТОРИИ АВТОНОМИЗАЦИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Акопян Виктор Завенович, кандидат исторических наук, доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: kaspregion@inbox.ru

В статье рассматривается уникальное явление в истории национально-государственного строительства в нашей стране – автономизации русского (казачьего) населения в национальных регионах (автономиях) Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. Отмечено, что развитие местного самоуправления в многонациональных регионах России на современном этапе должно учитывать накопленный в прошлом позитивный опыт.

Ключевые слова: автономия, национально-государственное строительство, национальное самоопределение, самоуправление, Северо-Кавказский край, казачество, национальный район, округ

FROM THE HISTORY OF THE AUTONOMIZATION OF THE COSSACK POPULATION IN THE NATIONAL REGIONS OF THE NORTHERN CAUCASUS

Akopyan Viktor Z., Ph.D. (History), Associate Professor

Pyatigorsk State Linguistic University
9 Kalinin ave., Pyatigorsk, 357500, Russia
E-mail: kaspregion@inbox.ru

In the article is considered a unique phenomenon in the history of nation-building in our country – the autonomization of the Russian (Cossack) of the population in national regions (Autonomous regions) of the Northern Caucasus in the 20th years of the XXth century. The author notes that the development of local self-government in the multinational regions of Russia at the present stage should take into account the accumulated in the past positive experience.

Keywords: autonomy, nation-building, national self-determination, self-government, the North-Caucasian region, the Cossacks, the national area, the district

Развитие местного самоуправления в многонациональных регионах страны способно создать благоприятные условия для преодоления конфликтных ситуаций, позволит небольшим по численности национальным группам, проживающим в пределах тех или иных субъектов, избирать власть, учитывающую национальную специфику населения, и воспрепятствовать ущемлению национальных интересов со стороны ретивых администраторов из числа «титულიной нации», давшей название соответствующему субъекту Федерации. Осуществление самоуправления в многонациональных районах, безусловно, требует необычайной осторожности и, в связи с этим, внимательного изучения зарубежного и отечественного опыта.

Между тем, в 20-е гг. XX в., в условиях нэповской либерализации советская власть пыталась (по всей видимости, формально) удовлетворить некоторые национальные запросы вне зависимости от численности тех или иных народов. В тот период даже численно небольшие этносы, проживавшие компактно, получили возможность реализовать свое право на самоопределение путем создания так называемых «малых форм автономии» в виде национальных районов (округов) и сельских советов. Они создавались преимущественно для национальных меньшинств, под которыми тогда понимали граждан, проживавших за пределами своих национально-государственных образований. В настоящей статье остановимся на русских (казачьих) районах, образованных в составе горских автономий и, в отличие от других национальных районов (два армянских, греческий, немецкий, шапсугский, туркменский), получивших наименования округа.

После проведения административно-территориальной реформы (районирования) к середине 1920-х гг. был создан Северо-Кавказский край площадью 293 тыс. км². Вместо десяти старых губерний и областей в крае была создана 21 новая административная единица, в том числе 12 округов, 6 автономных областей, автономный Сунженский округ и два города – Владикавказ и Грозный. Причем последние три административные единицы по составу населения были преимущественно русскими. Вместо упраздненных уездов, отделов, старых округов и волостей были созданы районы. Все округа и Дагестанская АССР напрямую подчинялись Ростову-на-Дону – административному центру края.

Во вновь образованных автономных областях Северного Кавказа русское население (преимущественно терское казачество) оказалось на положении национального меньшинства. В сознании горцев казачество по-прежнему отождествлялось с «эксплуататорским классом», поэтому даже на официальном уровне имели место попытки ущемить их, особенно по вопросу землепользования. Это вынуждено было признать и руководство Северо-Кавказского края. Секретарь крайкома А.И. Микоян в письме на имя В.М. Молотова в 1925 г. отмечал, что «казаки в составе автономных областей не были организованы и не было никаких юридических норм по защите их интересов». Руководству Северо-Кавказского края приходилось преодолевать национализм некоторых руководителей новообразованных горских автономий, которые, препятствуя национально-территориальному устройству русского населения, пренебрегали тем фактом, что казаки, также как и горцы, являлись коренным населением, с давних времен осваивавшим Терек.

Казачество, сыгравшее в свое время выдающуюся роль в присоединении края к России, безмолвно взирало на ущемление своих прав. Истоки терского казачества восходят к концу XV в., когда в верховьях Терека, у гребня Кавказских гор, у места впадения Аргуни в Сунжу поселились их предки, выходцы из центральных районов России. Отсюда происходит их название – гребенские казаки. В следующем веке в этот район переселяется группа донских казаков. В 1577 г. гребенцы Терского городка (устье р. Сунжа) успешно отразили набег крымских татар. С этого события терцы и ведут отсчет своей истории. Немногочисленное воинство не раз еще успешно противостояло натиску крымских и ногайских татар, и, тем не менее, в 1707 г. большинство терских городков были уничтожены татарским султаном Каибом, совершившим нашествие со стороны Кубани. В 1722 г. во время Персидского похода Петра Великого из остатков гребенцев и новых групп донских казаков, прибывших с семьями на реки Аграхань и Сулак терское казачество вновь было возрождено, получив название «Аграханское войско», позже переименованное в Семейное. В 1735 г. терцы возвращаются на Терек, после чего оформились три войска – Гребенское, Терско-семейное и Кизлярское, а затем и полки – Моздокский, Волгский (из бывших волжских казаков) и Горский. Терское казачество пополнялось не только за счет выходцев из России, но и украинцами, армянами, грузинами и горцами, принявшими православную веру (в том числе осетинами и кабардинцами). В 1860 г. была образована Терская область под управлением командующего Кавказским корпусом. После многочисленных реорганизаций, происходивших в условиях Кавказской войны, в 1860 г. было образовано Терское казачье войско, вошедшее в новообразованную Терскую область, административным центром которой стал Владикавказ. Область состояла из отделов (Кизлярский, Моздокский, Пятигорский, Сунженский), преимущественно населенных казаками, округов (главным образом горские народы) и одного приставства, в пределах которого оказались кочевые народы. Накануне гражданской войны терское казачество составляло 20 % от всего населения области (1315 тыс. чел.), т.е. более 260 тыс. человек. Войску принадлежало почти 60 % удобной земли. Душевой надел казаков составлял более 12 десятин, что намного превышало соответствующие показатели среди других групп населения. В связи с этим советская власть сделала ставку на горцев и иногородних, которым были обещаны казачьи земли, воинское сословие в белый лагерь. Терское казачество с болью воспринимало братоубийственную войну

и не столько сражалось с идеологическими противниками, сколько пыталось сохранить территориальную целостность державы, тем более что часть горских предводителей, вопреки надеждам советской власти, находясь под влиянием турецких эмиссаров, стали проводниками политики пантюркизма и панисламизма. В этих условиях немало терцев поддержало советскую власть в надежде на то, что ей удастся восстановить в регионе желаемый порядок и спокойствие. Несмотря на это большевистские власти упразднили Терское казачье войско, а в отношении значительной части казачества применили масштабные репрессии.

Но и в первые месяцы после окончания гражданской войны десятки тысяч людей были депортированы из районов, вошедших в пределы горских автономий. Более того, руководство ряда новых автономных областей предъявило претензии на целый ряд районов, ранее не входивших в национальные округа, где русское (казачье) население значительно превосходило по численности горское. Так, в феврале 1924 г. руководитель Кабардино-Балкарского обкома Б.Э. Калмыков поставил вопрос о включении в состав вновь образованной автономной области городов Пятигорск, Георгиевск, Моздок и Прохладный вместе с прилегавшими к ним станицами. Калмыков мотивировал это тем, что Прималкинский и Нагорный районы автономной области не имели своих административных центров, где могло бы находиться руководство. А.И. Микоян высказался категорически против таких необоснованных претензий, отметив, что администрация указанных районов может временно расположиться в Пятигорске и Прохладном, но не более того [3, ф. 17, оп. 11, д. 281, л. 12].

Новая геополитическая ситуация, сложившаяся в окраинных регионах страны, изменившийся этнический баланс, ставший угрозой целостности страны, заставили региональные власти изменить тактику в отношении казачьего населения, чему благоприятствовала и либеральная атмосфера начавшегося НЭПа. В этих условиях руководство вновь образованного Северо-Кавказского края обратилось к центральной власти с предложением пересмотреть отношение к казачеству. Возможно, указанные доводы обусловили положительное решение вопроса об особом территориальном устройстве казачества в составе ряда автономных образований РСФСР.

В апреле 1925 г. пленум партии большевиков принял резолюцию «По вопросу о казачестве», где указывалось на необходимость учета особенностей казачьего быта и недопустимость применения насильственных мер по борьбе с «остатками казачьих традиций» [2, с. 349–351].

На краевом совещании по казачьему вопросу, созванному в июне 1925 г., руководство Северо-Кавказского края, рассмотрев итоги работы специально созданной Краевой комиссии по административному устройству казачьих станиц, высказалось за создание казачьих национальных округов в пределах горских автономий – в Кабардино-Балкарской, Чеченской и Северо-Осетинской автономных областях. Сравнительно безболезненно организация казачьих округов прошла в Кабарде и Чечне.

В процессе автономизации горцев Кабарды компактно расположенные и изрядно опустевшие казачьи станицы оказались в пределах Мало-Кабардинского и Балкарского районов (округов). Получив соответствующие указания из столицы и краевого центра, пленум Кабардино-Балкарского облисполкома, собравшийся на свое заседание в конце июля 1925 г., постановил выделить в составе автономной области Казачий округ с центром в с. Майское с непосредственным подчинением облисполкому. В октябре было создано организационное бюро, которое занялось подготовкой и проведением съезда Советов Казачьего (Майского) округа, состоявшегося в марте следующего года. На этом съезде была сформирована местная власть. В девяти населенных пунктах русского (казачьего) округа (площадь – 27,5 тыс. десятин) проживало более 8 тыс. человек.

Одновременно происходил процесс оформления Петропавловского казачьего района (округа) в Чеченской АО. Относительно спокойное решение проблемы было связано с тем, что этот район целиком вошел в автономную область на момент образования последней. После присоединения к Петропавловскому району хутора Пер-

вомайский (ранее входившего в состав Грозного) население района составило 5,5 тыс. человек. Петропавловский округ включал несколько станичных советов: Горячесточненский, Ильинский, Первомайский и Петропавловский. Площадь округа составила более 24,8 тыс. десятин земли [3, ф.р. 17, б.оп., ед. хр. 85/1, л. 62; 7, ф. 264, оп. 1, д. 411, л. 2].

В Северной Осетии предложение о выделении казачьих станиц в особый округ первоначально встретило серьезные возражения со стороны властей. При содействии краевых органов летом 1925 г. состоялся съезд казачьих станиц Северо-Осетинской АО. На нем принято решение об обращении к краевым и областным органам с ходатайством о выделении этих станиц в автономную единицу с непосредственным подчинением крайисполкому. Областное руководство, наоборот, решительно возражало, мотивируя это тем, что внутренняя автономия приведет к разрыву единства территории автономной области и созданию чересполосицы в землепользовании между казачьими станицами и осетинскими селениями. Учитывая это мнение, президиум крайисполкома своим решением от 4 сентября поручил краевым инстанциям (орготделу, административной комиссии, земельному управлению) на месте установить возможность и порядок выделения казачьих станиц в отдельную административную единицу [1, ф. 1485, оп. 1, д. 172, л. 112]. Созданная комиссия высказалась за целесообразность подчинения станиц непосредственно крайисполкому или Владикавказу, являвшемуся до начала 30-х гг. самостоятельным округом.

Эти выводы комиссии 17 сентября были опротестованы Северо-Осетинским обкомом, который в своем решении записал, что выделение казачьего района «ведет к ликвидации Северо-Осетинской автономной области, так как такое решение вопроса поделит автономную область на две части (Правобережную и Левобережную) и установит чересполосицу по всей территории Осетии» [6, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 113]. 22 сентября крайисполкомом была создана новая комиссия в следующем составе: Куликов (председатель комиссии), Эльдарханов, Уборевич, Энеев, Толмачев, Такоев и Борукаев (последние два с совещательным голосом). Комиссия детально изучила этот вопрос. 25 сентября ее предложение выделить округ в составе Северо-Осетинской АО заслушал вначале крайком, а на следующий день и крайисполком. Последний на основе предложения комиссии принял решение об образовании округа в составе области [1, ф. 1485, оп. 1, д. 170, л. 6; 8, ф.р. 7, оп. 1, д. 65, л. 2]. В казачий округ, получивший название «Ардонский» («Притеречный»), включались селения: Змейское, Архонское, Николаевское и хутор Ардонский. Площадь округа составляла 23,4 тыс. десятин земли [4, с. 160].

А.И. Микоян, подводя итоги территориального устройства терского казачества, в ноябре 1925 г. говорил: «Казачи, которые до сих пор в Ингушетии, в Чечне, в Осетии и Кабарде молчали о своем положении, сказали, что если... в большой России дали получить автономию маленькой Осетии, например, то почему бы маленькая казачья станица ни могла получить автономию внутри Осетии. Мы сказали, что совершенно верно, если маленький народ в большой стране получил автономию, то маленькие станицы тоже могут получить автономию» [5].

Процесс создания малых форм автономий потребовал разработать особое положение о национальных районах с тем, чтобы в будущем не возникали конфликты по поводу их статуса. «Положение о районах национальных меньшинств, входящих в округа и автономные области Северо-Кавказского края» было утверждено только в августе 1926 г. Согласно этому документу национальные районы (включая русские округа) принципиально отличались от обычных. Являясь составной частью автономных областей, они управлялись районными съездами советов, а в период между ними – районными исполкомами. Всякие изменения границ национальных районов осуществлялись только при наличии согласия вышестоящего исполкома с районным исполкомом. Съезды советов национальных районов являлись высшим органом власти на его территории. Они имели право непосредственной посылки делегатов на краевой съезд советов. Статья 8 «Положения...» предусматривала, что при несогласии с рас-

поряжениями областных властей национальный райисполком мог своим решением приостанавливать проведение их в жизнь. Национальный райисполком назначал большинство руководящих кадров. Названные права придавали национальным районам характер автономных образований.

Свои особенности имел вопрос об устройстве русского населения Карачаево-Черкессии, где ни один из горских народов не имел в составе области ни абсолютного, ни относительного большинства. Черкесы и карачаевцы по своей численности были равны русскому (казачьему) населению. В первой половине 1925 г. представители всех трех национальных групп внесли предложение упразднить Карачаево-Черкесскую область, создав отдельные Черкесскую и Карачаевскую автономные области, а казачьи районы присоединить к Армавирскому округу. Тем самым, отпадала надобность в автономизации русского населения этого региона. Однако краевые власти считали преждевременным предпринимать резкие шаги в таком многонациональном регионе, где к тому же проживали и другие этносы.

28 сентября А.И. Микоян отправил в ЦК РКП(б) предложения, подготовленные специальной комиссией, занимавшейся размежеванием области и одобренные населением, в том числе казаками. В них планировалось размежевание области на семь округов: три карачаевских (в составе которых оставались два кабардинских и один осетинский аулы), два черкесских округа, в которых, помимо черкесов, проживали абазины и ногайцы, и два русских округа – Баталпашинский и Зеленчукский. В предложениях отмечалось, что в «отношении нацменьшинств внутри национальных округов надо остановиться на форме создания национальных сельсоветов с выборной властью населения, со своим бюджетом и пр.» [8, ф.р. 7, оп. 1, д. 194, л. 14]. Эти предложения распространялись и на русские села, если таковые оказывались в пределах национальных округов. В столице одобрили такое строение области, и после соответствующего утверждения крайисполкомом началось претворение в жизнь принятых решений. Областная власть была реорганизована на началах паритетности, т.е. равного представительства от всех трех наиболее многочисленных групп. Увы, в 1926 г. на базе КЧАО были образованы две автономные области: Карачаевская и Черкесская (до 1928 г. имела статус округа) [1, ф.р. 1485, оп. 1, д. 171, л. 52–53]. Интересы русского населения не посчитали необходимым учесть.

Что касается Адыгеи, где около половины населения состояло из русского иногороднего крестьянства, вопрос о выделении специальных русских районов не поднимался. По мнению А.И. Микояна, вопрос «национальных взаимоотношений в Адыгее сводился к земельной тяжбе между русским крестьянством и черкесами», которые «до революции обладали большей нормой земли на душу населения, чем пришлые русские крестьяне» [8, ф.р. 7, оп. 1, д. 194, л. 14].

В отличие от других автономных областей, где выделение русских районов закрепляло за казачеством их земли, в Адыгее создание русских районов не разрешало основного для него вопроса – земельного. Кроме того, отмечал руководитель Северо-Кавказского края, между ответственными работниками – черкесами (адыгейцами – В.А.) и русскими – в области «была полная спаянность, отсутствие национальных трений, и русское население, в отношении хозяйственном и культурном, обслуживалось неплохо» [8, ф.р. 7, оп. 1, д. 194, л. 14].

Упразднение в 1930-х гг. «малых форм» автономий не способствовало гармонизации межнациональных отношений. В период эскалации противостояния в отдельных регионах Северного Кавказа «малая форма автономии», возможно, позволила бы воспрепятствовать массовому оттоку населения из районов их традиционного проживания. К сожалению, новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г.) не проясняет, как может осуществляться местное самоуправление в многонациональных регионах, где компактно проживают национальные группы, не относящиеся к «титальной нации» субъекта РФ.

Список литературы

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 1485. – Оп. 1. – Д. 170–172.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9-е. – М., 1983. – Т. 3.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
4. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР. – М.–Л. : Госиздат, 1928.
5. Советский Юг. – 1925, 29 ноября.
6. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА ИПД).
7. Центральный государственный архив Чечни.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО).

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (GARO). – F. 1485. – Op. 1. – D. 170–172.
2. KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov, konferencij i plenumov CK. – Izd. 9-e. – M., 1983. – T. 3.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI).
4. Sovetskaja politika za 10 let po nacional'nomu voprosu v RSFSR. – M.–L. : Gosizdat, 1928.
5. Sovetskij Jug. – 1925, 29 nojabrja.
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskoj dokumentacii Respubliki Severnaja Osetija – Alanija (CGA IPD).
7. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Chechni.
8. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti (CDNI RO).

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Антропов Олег Константинович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kaspregion@inbox.ru

В силу сложившихся условий в среде русской эмиграции создать в 1920–1930-х гг. обще-эмигрантский политический центр оказалось невозможным. Необходимо было найти альтернативу, в качестве которой могли выступать только региональные и континентальные политические центры русского зарубежья, например, Западноевропейское, Балканское, Дальневосточное, Североамериканское и другие объединения. В результате было создано несколько таких объединений: «Общерусское объединение в Америке», «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го», «Центральный антикоммунистический комитет российской эмиграции в Северном Китае», «Бюро по делам русских эмигрантов в Германии», «Русский национальный фронт», «Российский антикоминтерн».

Ключевые слова: эмигранты, русское зарубежье, русская диаспора, русская эмиграция, эмигрантские организации, экстремистские, антисоветские, антикоммунистические организации

**REGIONAL POLITICAL CENTERS OF
THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION**

Antropov Oleg K., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: kaspregion@inbox.ru

It wasn't possible to create the total emigrant political center in 1920–1930s because of the conditions in the environment of the Russian emigration, it was necessary to find an alternative. Only regional and continental political centers of Russian abroad, for example, Western European, Balkan, Far East, North America and other associations could serve as an alternative. As a result, there were created several associations: «All-Russian Association of America», «Bureau of Russian emigrants in